

Роман Савин
стартап · love

І Т — Т Р И П
О Л Ю Б В И
С Т А Р Т А П А Х
И М О С Т Е
З О Л О Т Ы Е
В О Р О Т А

Роман Савин

**Стартап Дот Лав. IT-трип о любви,
стартапах и мосте Золотые Ворота**

«Издательские решения»

Савин Р.

Стартап Дот Лав. IT-трип о любви, стартапах и мосте Золотые Ворота / Р. Савин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859333-8

«Стартап Дот Лав» — доза адреналина от Романа Савина — автора бестселлера «Тестирование дот ком». Главный герой оказывается в Сан-Франциско без денег, английского и права на работу. Выдержит ли он? Сможет ли пробиться? Спойлер: будет весело и опасно! А заодно вы узнаете: как создаются стартапы в Кремниевой долине, как венчурные капиталисты обманывают фаундеров и почему гоночный макларен Ф1 нельзя водить, как хонду Сивик. Но начнется все в Москве с заваленного сопромата, Юли и фингала под глазом.

ISBN 978-5-44-859333-8

© Савин Р.
© Издательские решения

Содержание

<i>./вступление/</i>	6
<i>./а/история государства и права зарубежных стран/</i>	7
<i>./экзамен/</i>	8
<i>./на кухне у пауста/</i>	10
<i>./классика жанра/</i>	12
<i>./чижик/</i>	13
<i>./время офигительных идей/</i>	14
<i>./хеллоу, долли/</i>	15
<i>./бедный ёжик ёжится/</i>	19
<i>./в гостях у пауста-старшего/</i>	23
<i>./лен, давай/</i>	25
<i>./welcome to the united states of america/</i>	26
<i>./шмаги/</i>	28
<i>./туманный парк/</i>	29
<i>./мисс ло и мистер наум/</i>	30
<i>./проснулся, отработал, уснул/</i>	33
<i>./морская регата, мать её/</i>	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Стартап Дот Лав IT-трип о любви, стартапах и мосте Золотые Ворота

Роман Савин

*«Никто не может знать своей судьбы
Она играет с нами в прятки».*

Из игры «7-й Гость»

Посвящается моим друзьям

Иллюстратор Сергей Корсун
Корректор Ольга Решетникова

© Роман Савин, 2018

© Сергей Корсун, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-9333-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

./вступление/

Все события и персонажи вымышлены, а любые совпадения случайны. Моя повесть – это сказка для взрослых, которая начинается с буквы «а».

/а/история государства и права зарубежных стран/

У меня было два пути. Либо я сдаю сессию и еду на море, либо я не сдаю сессию и еду в армию.

Год назад та же дилемма чуть не решилась в пользу армии – я завалил тогда сопромат и вылетел из института. Теперь я учился на юрфаке, но, увы, остался тем же Ромой Мониным. Как сказал Пауст, от перемены мест дебилами дебилы не меняются.

...

У технарей есть поговорка: «Сдал сопромат – можешь жениться». Для студентов юрфака сопроматом являлась история государства и права зарубежных стран.

Как водится, самый непрактичный предмет опекался самым деспотичным преподавом. Звали её Надежда Викторовна.

Надежда Викторовна любила свой курс, как мать дитя: ревниво, нежно, страстно. Не разделявший этой любви считался врагом юриспруденции и ленивой скотиной.

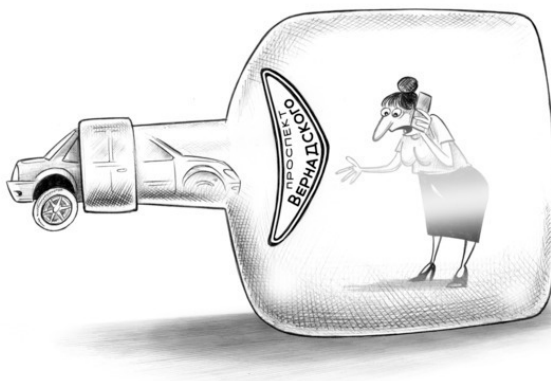
Я этой любви не разделял.

Во-первых, я был ленивой скотиной.

Во-вторых, я уже устал от теорий, историй и абстракций. Единственной темой, в которой я как-то шарил, была Война за независимость США – я сдал по ней курсовую.

Понимая, что шансов ноль, я обратился к старинному колдовству. В полночь перед экзаменом я распахнул форточку, высунул руку с зачёткой и крикнул: «Халява, лети!».

И настало утро. И сработала дедова метода! К дверям аудитории подошла аспирантка Юля Капустина и объявила трясущимся от страха колдунам и колдуньям, что Надежда Викторовна попала в пробку и экзамен начнёт принимать сама Юля, в смысле, Юлия Владимировна.

Я пошёл первым. Я всегда так делаю. Перед смертью не надышишься, а за смелость можно и троечку схлопотать.

./экзамен/

Поскольку сдача экзамена была делом гиблым, Надежда Викторовна завела на кафедре такую систему: если не знаешь билет, то можешь вытащить другой, но оценка снижается на балл.

Тащу первый билет – вопросы по Франции и Японии. Тащу второй – вопросы по Франции и Германии.

Смотрю на Юлю – она кивает. Германия и Англия. Смотрю на Юлю – она кивает. Франция и США (отмена рабства).

...

С Юлей мы встречались только по учёбе. И сталкивались в коридорах: «Здравствуйте!» – «Здравствуйте!». Не самое близкое общение. Но вот странное дело: увижу её – сердце начинает колотиться, а грудь – как в тисках.

Но это не имело значения, ведь у Юли ко мне интереса не было. Никакого.

– Может быть, вам все билеты перевернуть?

– А можно?

Юля ничего не сказала. Она отошла к окну и уставилась на ладно скроенную московскую пробку, в которой где-то неподалёку изнемогала Надежда Викторовна.

Я быстренько перебрал все билеты и нашёл тот, где оба вопроса касались Войны за независимость.

Ответив без подготовки, я получил «хорошо» и поехал в Китай-город к Паусту.

/на кухоньке у пауста/

С Вовчиком Паустовским мы познакомились ещё в Полиграфе – это там я завалил сопромат.

Чтобы отметить моё фиаско, Пауст прикупил ящик «Гиннеса» и честно ждал меня, не открывая ни одной бутылки, – «Аж обезводился весь!».

Он немного приуныл, увидев мою зачётку, ведь уже с утра репетировал речь, что «кто не служил, тот не мужик». Но после трёх бутылок Пауст размяк, заулыбался. Его жена Марина накрыла на стол, и мы сели праздновать.

...

В разгар праздника в дверь позвонили. Марина открыла, и в нашу кухоньку вошла... Юля. Если бы к нам заглянула Жанна д'Арк, я был бы удивлён меньше.

От неожиданности я выпустил из пальцев ложку, и она со звоном упала в тарелку с супом, обрызгав, в основном, Пауста. Пауст вскочил, как будто суп был серной кислотой, и бросился к раковине отмывать свою рубашку.

Юля же чмокнула его в щёчку и уселась за стол.

Я уже рассказал о блистательной сдаче истории государства и права зарубежных стран и не мог понять, догадались ли Пауст и Марина, что их подруга меня и спасла.

– Привет, я Юля! – улыбнулась Юля.

– Привет, я Рома! – просипел я, еле дыша.

– Пожрать принесла? – повернулся к ней Пауст.

...

Я был настолько ошеломлён нашей встречей, что не знал, как себя вести. Поэтому я тоже сделал вид, что мы познакомились лишь минуту назад.

Отчасти так оно и было: девушка-аспирантка преобразилась в девушку-девушку – она была красива и высока, с длинными тёмными волосами и приятными чертами лица. Уверенная в себе и задорная. Никаких тебе волос пучком, серых костюмов и обращения на «вы».

И мне вдруг показалось, что я ей тоже нравлюсь, отчего она стала для меня ещё привлекательнее.

– Юль, прикинь, Ромыч сдал-таки последний экзамен и едет... Куда ты, кстати, едешь? Кстати, он тоже юрист.

Пауст врубил Квинов и пустился в пляс, закрыв глаза и размахивая полами рубашки, пытаясь просушить её.

...

Вечер тёк легко и ровно. Мы просто болтали ни о чём, ели и пили. Уже скоро Пауст с Мариной ушли в гостиную, а мы с Юлей переместились в детскую. Юля растянулась на диване, положив мне голову на колени.

– Юля, ты меня сегодня реально спасла. Но, скажи, почему ты не сказала ребятам, что знаешь меня?

– Ром, да какая разница? Лучше поцелуй меня.

Что я немедленно и сделал.

/классика жанра/

В дверь позвонили, и мы услышали мужской голос:

– Я знаю, что она здесь! Её машина под окном.

В прихожей началась возня и в комнату на каком-то чуваке въехал Пауст.

– Ромик, гаси его!

Чувак – а был он кстати нашего возраста, как ретивый конь, взбрыкнул и стряхнул Пауста прямо в ящик с игрушками. А мне прописал в глаз с правой:

– Лови, гад!

– Сам ты гад! – ответил я ему с правой же в пузо.

Чувак сложился пополам и его тут же оседлал Пауст, сверкнув, как молнией, своими оранжевыми трусами.

Они вместе скатились на пол. Чувак зашипел:

– Да пошли вы все! (Юле) И ты, шлюха, тоже! (Паусту) Пусти уже!

Пауст ослабил хватку.

Его оппонент вырвался, вскочил на ноги и быстрым шагом вышел вон. Я оделся и тоже направился к двери. Юля остановила меня:

– Рома, прошу, не уезжай.

– Поиграть захотела? Ну-ну.

– Ты можешь остаться хоть на минуту?

– Я уезжаю.

Я и сам не понимал своей реакции.

Но гнев и разочарование были так сильны, что разобраться мне ни в чём не хотелось.

– Тогда возьми это с собой. – Юля поцеловала меня в шею.

Я задержался на секунду-другую, понимая, что не должен уходить.

И ушёл.

./ЧИЖИК/

Я добрался до своего дома на Юго-Западной, но домой мне не хотелось, и я пошёл в парк. Из-за гаражей выплыл знакомый персонаж с огромным ньюфаундлендом на поводке.

– Чижик!

– Ромик!

Это был друг детства Витя Рыжов. Но Витей его никто не звал, а все звали Чижиком – спасибо фильму «Приключения Электроника».

– А что у тебя с фейсом?

– Да так, получил. А ты тут чего?

– С Милой гуляю. Хорош зверь?

– Нет слов! Блин, пить хочется – умираю.

– А у меня тут бражка подошла. Хо?

– Хо!

– Так не вопро!..

Чижикова бражка зашла как родная. После пары литров мы уже гоготали, вспоминая школьные годы, и уже скоро я рассказал Чижикю о вчерашнем экзамене, Юле и её бойфренде. Чижик смотрел окно, положив ноги на спину печальной доброй Милы.

– Ромик, я, конечно, всего не знаю, но ты её хотя бы выслушал. Даже если эта Юля чисто переспала с тобой, она, что, – твоя собственность?

– Старик, да не знаю я... Всё как-то совпало. Может быть нервный срыв из-за сессии?

– Ну так позвони ей.

– И что я ей скажу?

– Ну просто поговори. Или лучше назначь встречу. Мне вот вообще никто не даёт. Я хоть за тебя порадуюсь.

– Чижик, а твой батя ещё гонит самогонку?

– А как же! Хо?

– Хо!

– Так не вопро!

/время офигительных идей/

Ромик, а давай поедим к Паусту?

– А зачем?

– Ну так, во-первых, самогонку привезём, познакомимся. Может быть Юля придет.

Я набрал Пауста.

– Ромыч, да ты где ваще? Дуй сюда срочно!

– А что такое?

– Маринка с Юlichem бунт затевают! Сидят в обнимку, воют в голос и говорят, что все мужики, а особенно мы с тобой, – конченные подонки. Боюсь, что скоро огребу.

– А можно мы вместе с Милой приедем?

– Ёпт, ну конечно! А что за Мила?

– Ньюфаундленд.

– Годится! Держись феминистки, ща наши подтянутся!

Раздался шлепок и повесили трубку.

Мы с Чижиком сели в метро, как-то проведя с собой и телёнка Милу.

– Чижик, а давай пить за каждую станцию?

– Давай.

./хеллоу, долли/

Нас приняли на Кузнецком мосту. Не помню процесса приёмки, но когда сознание вернулось ко мне, я сидел на стуле в наручниках и мне по спине лупили дубинкой. Я обернулся и увидел... бойфренда Юли в ментовской форме. Тот уловил проблеск разума в моих глазах, сел напротив и радостно сообщил:

– Каким же нужно быть мудаком, чтобы так попасть!

Я попытался собраться с мыслями. Это было трудно. Не облегчало задачу и то, что я не понимал, в каких отношениях аспирантка университета Юлия Капустина может быть с метрополитеновским ментом по имени Я-тебе-бля-не-Коля-а-сержант-Мерзляков. Кроме того, я не помнил, чего напортачил по пьяни.

– Чувак, я вообще не в курсах был, что Юля – твоя подруга. Она тебе, вообще, подруга?

– Меня не ебёт, что ты там думаешь. Мы с ней с детства знакомы. Наши родители учились вместе. У нас планы! Понимаешь ты – планы! У нас всё уже спланировано! – он отдышался и продолжил. – Тебе пиздец. Сейчас тебя и этого лошка оформим, – он показал на Чижика, сидящего в обезьяннике, – и поедете на пятёрку за сопротивление сотруднику при исполнении.

– Какое сопротивление?

– Посмотри, бля, на Борю!

Боря – типичный мент а-ля Шариков – сидел в углу с разбитым лицом и в порванной рубашке.

Он вкушал чижикову самогонку прямо из горла и, запрокидывая бутылку, был похож на горниста.

– Он просто подошёл к вам, пьяным свиньям, а твой друг натравил на него собаку.

– Такая большая чёрная собака?

– Да, такая большая чёрная собака. Посмотри, бля, на Борю. Вы сначала натравили свою псину, а потом его отметелили.

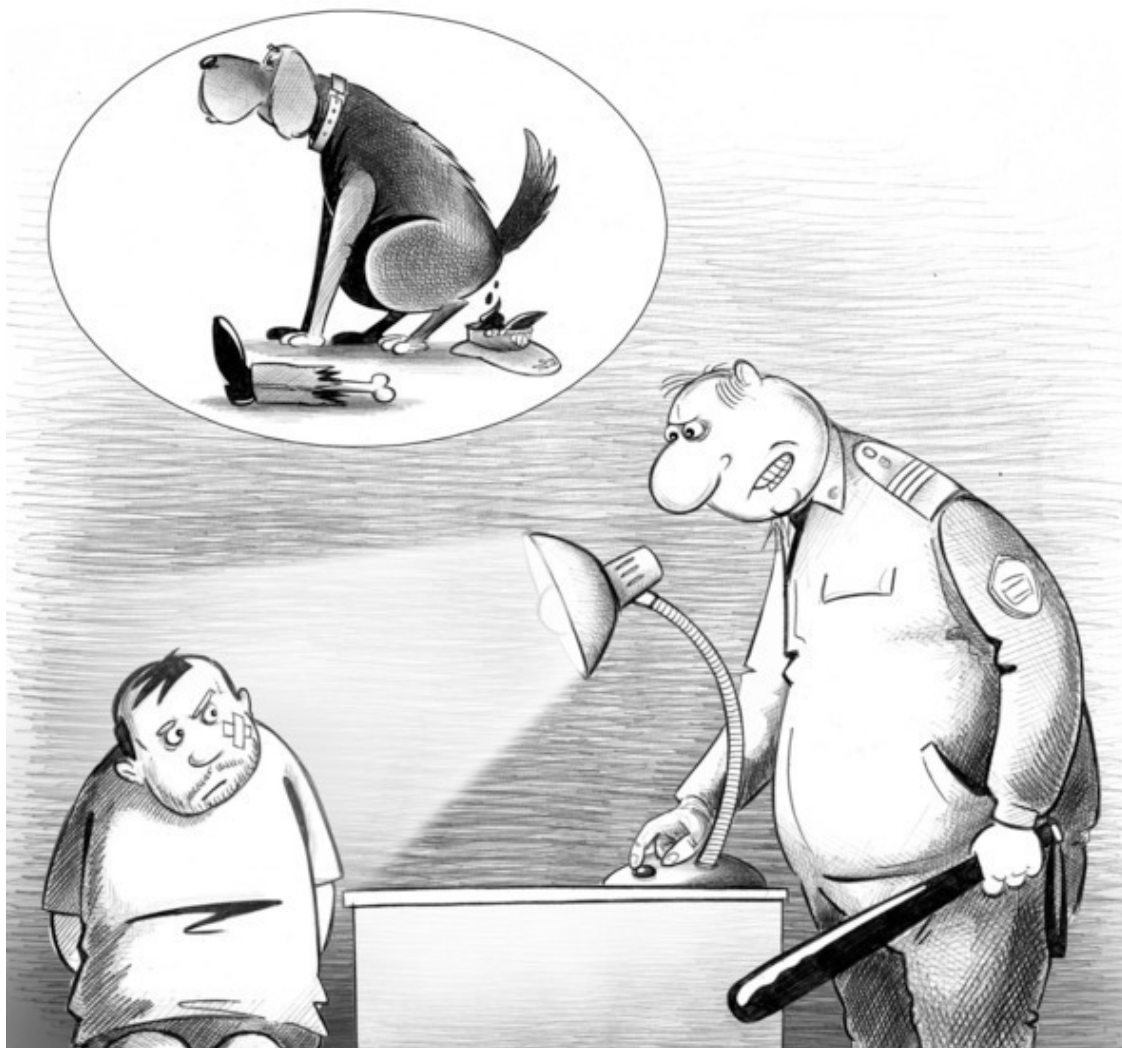
Боря обиженно шмыгнул носом, словно подтверждая слова коллеги. Чижик весь в слезах вскочил с лавки и крикнул:

– Никого она не кусала!

Милы с ним не было.

– Слушай, – обратился я к Мерзлякову, – а что можно сделать? Да, фигня вышла, но ты реально хочешь, чтобы нас с Чижиком посадили? Он в жизни никого пальцем не тронул.

– Меня не ебёт. Ты попал, а он с тобой за компанию. Или ты с ним. Короче я сейчас вернусь, и будем вас оформлять.

Первое правило, когда угодил в ментовку – это решить вопрос как можно быстрее.

Когда начнётся документооборот, вовлекутся новые люди и завертятся шестерёнки людоедской машины, то цена вопроса вырастет многократно, и кончится тем, что решить уже ничего нельзя.

Я понял, что Боря – наш единственный шанс.

– Боря, прости. Я не помню, что случилось, но мы спорили фигню. Пожалуйста, дай позвонить.

– Ты чё, американских фильмов насмотрелся?

– Да нет. Что-то можно сделать?

– Ха-ха, можно! Сухари сушить.

– У меня с собой 40 баксов. Это всё, что есть. Дай позвонить.

С чижикова самогона Боря был уже хорош, и перспектива безнаказанно отжать бабло у лоха обдала его сердце приятной волной.

– Ладно, давай номер.

Я назвал номер Пауста. Боря поднёс телефон к моему уху.

– Пауст, я в ментовке на Кузнецком. Здесь этот дебил, на котором ты вчера прокатился.

Мы по уши в дерьме.

– Ок, звоню отцу.

Тут вернулся Мерзляков.

– Э!! Я не понял!

– Знаешь отца Пауста? – спросил я.

– Знаю, но это ничего не меняет. Здесь я король.

– Куда Милу дел, гад? – хлюпая носом, крикнул ему Чижик.

– Чё? – угрожающе гаркнул Мерзляков, вытаскивая дубинку. – У тебя, думаешь, мало проблем? Твою тварь сегодня усыпят.

Чижик вцепился в решётку и зарыдал. Он рыдал, как ребёнок, – в дрожь, до предела. Слезы не капали, а выбрызгивали у него из глаз.

У Мерзлякова зазвенел мобильник.

– Да, Лев Семёнович. Они напали на сотрудника. Нет, ничего такого. Ладно, тогда через отца.

Он повесил трубку, замахнулся дубинкой и со всей дури приложил меня на посошок.

– Боря-хуёря, давай, выпускай этих.

...

Отец Пауста, Лев Семёнович, занимал важный пост в Генпрокуратуре. Он принадлежал к старой гвардии в погонах, которая не только пережила девяностые, но и неплохо на них заработала. Это закрытая тусовка и посторонних там нет. Для своих – телефонное право, для посторонних – закон по всей строгости. Там, где человек без связей бьётся как рыба об лёд, условный левсемёныч снимает трубку и решает дело в минуту.

...

Боря взялся нас проводить. Когда мы вышли на улицу, он вытянул пятерню:

– Деньги давай!

– Где Мила?

– Какая нафиг Мила?

– Собака моего друга.

– На живодёрне.

– Где «на живодёрне»?

– Бля, откуда я знаю, где-то в Тушино.

– Если я дам тебе деньги, то как я вызволю Милу?

Тут вступился Чижик.

– У меня есть с собой немного. Я взял у отца из самогонных. Отдай ему баксы, хрен с ним.

Я достал пару двадцаток, но не отдавал их.

– Боря, а что всё-таки произошло?

– Я хотел вас задержать, а ты меня ударил, а этот сказал псу «фас», а он меня укусил.

Чижик замахал руками:

– Она никогда не кусается, она даже команду «фас» не знает. Ромыч, отдай ему баксы!

Получив гонорар, Боря ушёл ловить преступников, а мы с Чижиком остались одни:

– Ромик, я тогда за Милой, ты к Паусту, а вечером – созвон.

– Давай, бро! До связи.

/бедный ёжик ёжится/

Когда я добрался до Пауста, Юли там уже не было. Марина осторожно сняла с меня рубашку, и под ней открылся фиолетовый синяк в полспины. Марина заохала, налила в тазик холодной воды и стала протирать мою спинку влажной марлечкой.

Пауст уже обновил старые дрожжи и неподвижно сидел в кресле-качалке, сверля пустоту оловянными глазами. Когда он очнулся, то утешил меня:

– Не срать! Ща папа всё решит. Мож, по пиффку?

– Да ну его нафиг, уже наделал дел. Так вы знаете этого Мерзлякова?

– Конечно! Мы раньше дружили семьями. Потом он поехал крышей из-за любви к Юле, бросил МГИМО, разбил служебную машину отца. Родакам было за него стыдно. Они как-то отошли от нас.

– А что у него с Юлей?

– Да не знаю я. Раньше она его игнорировала, но потом они вроде бы помирились. Но вчера она, кстати, приехала, чтобы познакомиться с тобой.

– Со мной???

– Ну да! Я ей про тебя рассказал, она заинтересовалась.

– А ты называл ей мою фамилию, говорил ей, что я учусь на юрфаке?

– Конечно, ведь ты ещё не в розыске, ха-ха! Ладно, прости. Ёпт, так это *она* тебя на экзамене вытащила?

– А я всё думал, когда ты включишь свой мозг. Она над тобой глумилась, как над мальчиком, а ты всё рубашку сушил.

– (*Марине*) И ты, Брут? И ты с ними заодно?

– Нет, Вовчик, я всегда с тобой заодно, но как упустить возможность лицезреть твою очередную мегапротупку?!

– Ладно, вы у меня ещё попляшете, сраные конспираторы.

– (*Мне*) Ты, кстати, сильно её обидел. Нет ничего гупее, чем вот так просто взять и уйти от такой девушки.

От радости я был ни жив ни мёртв. Пусть Пауст назовёт меня последними словами, но Юля вчера приехала именно ко мне и ради меня она рискнула своей аспирантурой!

В комнату вбежала пятилетняя племянница Пауста, Ариша.

– А можно я прочитаю дяде Роме стихотворение? Пауст хотел её прогнать, но Марина возразила:

– Конечно, принцесса, мы слушаем!

Аря сделала серьёзное лицо и прочитала с выражением:

Бедный ёжик ёжится —
Всё ему не можется:
Искривилась рожица,
Посинела кожица.
Мать его тревожится —
Вот забот умножится!

Девочка сделала реверанс и посмотрела на нас выжидающе. Рука с марлечкой оторвалась от моей синей спинки и застыла над тазиком: кап, кап...

Я посмотрел на Пауста, обернулся к Марине, что-то пробежало между нами – и мы заржали так, как не ржали никогда в жизни.

Мы с Паустом свалились на пол, скорчившись в конвульсиях и давясь от смеха. Пауст хрюкал, сопел и плакал. Он силился сказать «ёжик», но у него получалось только «ё», и дальше его колбасило с новой силой. Когда мы пытались посмотреть друг на друга, то новая волна ржача захлестывала нас и прибывала к полу. Марина закрыла лицо руками и беззвучно тряслась на стуле. С трудом собравшись, она махнула рукой Аре, что та может идти.

Даже через несколько минут, когда основная волна спала, мы избегали встречаться взглядом, опасаясь очередного приступа. Это было море, нет – океан позитива! В мире больше не существовало ни Мерзлякова, ни ментовки. Радость и беззаботность молодости фонтанировали из нас, сердца были наполнены любовью друг к другу, всё стало правильно и хорошо! И тут я понял, кто мне нужен здесь, сейчас и до конца жизни! Я знаю, что смогу пройти всё ради неё!

– Пауст, набери Юлю. Я такой дурак, и я так счастлив!

– Набираю!

Но телефон зазвонил сам. Пауст взял трубку и сказал: «Да, он здесь».

– Ромыч, срочно спускайся вниз. У подъезда служебная машина отца.

Я вытер слёзы, обнял Пауста и Марину и пошёл к лифту. Возле лифта стоял то ли спецназовец, то ли омоновец.

/в гостях у пауста-старшего/

– Ты – Роман Монин?

– Я.

– Я от Льва Семёновича. Поедешь со мной.

Дай руку.

Он пристегнул меня к себе наручником.

– А это зачем?

Он посмотрел на меня с таким изумлённо-пренебрежительным видом, словно я попросил его постирать мне носки. Вопросов больше не было.

Перед подъездом стояла БМВ с мигалками, и уже через несколько минут мы остановились возле трёхэтажного жёлтого здания в районе Китай-города.

Меня провели в подвал, и мы вошли в небольшую чистую камеру со столом и двумя стульями. Наверху горела лампочка.

То ли спецназовец, то ли омоновец отстегнул наручники.

– Жди!

Хлопнула дверь, и лязгнул засов.

Я не понимал, что происходит, но мысли о Юле затмили для меня всё. Я сел было на стул, но радость, что я небезразличен ей, подбрасывала меня, наполнила всё моё существо, и я ходил из угла в угол, не замечая, где нахожусь. Я был уверен, что после неприятного разговора со Львом Семёновичем меня отпустят, всё забудется, как страшный сон, и уже сегодня мы с Юлей будем вместе.

Дверь открылась, и вошёл Пауст-старший.

– Лев Семёнович, здравствуйте!

– Привет, герой! – ответил он сердито.

– Лев Семёнович, простите, а зачем всё это? – я обвёл рукой камеру.

– Роман, слушай меня внимательно. Сегодня с утра я только и делаю, что подчищаю за тобой дерьмо. Коля Мерзляков и Борис Клименко утверждают, что твой друг натравил на Бориса собаку, а затем вы избили его и сбежали из отделения. Я говорил с отцом Николая и с ним самим. Отец повлиять на него не может. Николай помешан на Юле, и никакие деньги тебя уже не спасут. У тебя есть 24 часа, чтобы уехать за границу. Тогда не тронут ни тебя, ни твоего друга. Таков уговор. Если уедешь, то дела не будет. Если не уедешь или уедешь и вернёшься, то они закроют и тебя и твоего кинолога-любителя. И я им помогу.

– Поможете?

– Да. И есть ещё одно условие, понимаешь какое?

– Нет.

– Забудь о Юле. Свою жизнь ты уже сломал, и я не позволю тебе сломать и её жизнь. Мне до тебя особого дела нет – скажи спасибо Володе, что я вообще этим занимаюсь. Юлю я знаю с детства и желаю ей только счастья. Ты ей счастья дать не сможешь. Не тяни её за собой в дерьмо. Знаешь, как говорят: с глаз долой – из сердца вон. Через год у каждого будет своя жизнь.

– Я могу ей хотя бы позвонить?

– Один контакт – и Рыжов в тюрьме. Это наш с тобой договор и моё тебе обещание. Никаких контактов с Юлей. Даже Вову не проси. Кстати, сожми кулаки?

Он внимательно осмотрел их.

– Странно... Никаких синяков или ссадин. Но это уже не имеет значения. Будет твоё слово против слова двух сотрудников, один из которых имеет известного папу. Даже если тебя оправдают, выйдешь из СИЗО инвалидом. Менты такие штучки не прощают. Сейчас ты сразу

домой за деньгами и загранпаспортом, а потом в Шереметьево на ближайший рейс куда угодно. И не будь дебилом – никаких фокусов.

– А как же родители?

– Позвонишь им, когда прилетишь. Всё понял?

– Всё.

– Тогда иди.

Это был страшный сон. Мой мир разлетелся в кровавые клочья. Я сам всё испортил, и моя жизнь будет расплатой за собственную тупость.

...

Зато сдана история государства и права зарубежных стран.

./лен, давай/

Дома никого не было. Я взял паспорт, деньги, зачем-то теннисную ракетку, смену белья в рюкзак и уже с улицы позвонил школьной приятельнице-турагенту.

– Лен, привет! Это Рома Монин. Мне срочно нужен билет на сегодня. Куда угодно.

– Ну это в твоём стиле. Перезвоню через пять минут.

Да... дожил. Ещё вчера я был московским студентом, а сегодня мой статус Если-не-уедешь-то-сядешь-на-много-лет.

– Ромка, есть билет в Сан-Франциско на восемь вечера. Две тысячи долларов.

– Но у меня же нет визы!

– Как же нет? Мы тебе сделали в прошлом году! Помнишь ты хотел в Нью-Йорк слетать?

Ну хоть в этом повезло! Проблема была в деньгах: всё моё состояние – 2200 долларов. То есть я приезжаю с двумястами долларов и минимумом английского в город, где никого не знаю.

– Лен, давай, еду.

В Шереметьево я прошёл пограничный контроль и сел на кресло перед выходом для моего рейса.

Страх, что меня схватят, испарился, и возникшая пустота заполнилась стыдом. Я подвёл всех, кого мог, и нет мне прощения.

Объявили посадку на рейс, я сел в самолёт и отрубился.

./welcome to the united states of america/

– Ну ты, брат, здоров храпеть!

Рядом со мной сидел упитанный парень лет тридцати. Говорил он с лёгким акцентом.

Он продолжил:

– Ты куда летишь?

– В Сан-Франциско.

– А зачем?

– К друзьям.

– А как их зовут? Где они живут? Я там всех знаю.

– Да они только приехали, даже не знаю, где живут.

– А сам надолго едешь?

– Пока не знаю. Извини, мне что-то не очень.

– Ну, давай отдыхай. Я, кстати, Шмаги.

– Я – Роман...

– ...Просыпайся, брат, почти прилетели.

Наш самолёт опускался прямо на воду, но в последний момент появилась посадочная полоса.

...

Пограничник с подозрением посмотрел на мой небогатый скарб.

– Цель вашего визита?

– Я студент. Изучаю Войну за независимость.

– Мексики?

– Почему? США.

– А причём здесь Калифорния?

Я понял, что он уже готов завернуть меня и послать обратно к чудесным людям из российских правоохранительных органов.

Нужно было не просто соврать, а соврать прямо в глаза и не имея в своих словах ни малейшего сомнения. Я так делать не умел, но должен был либо срочно научиться, либо...

– В Форт-Россе хранятся записи. Бостонское чаепитие. Русские моряки.

Он посмотрел на меня, как на дебила, вздохнул и поставил штамп в паспорте:

– Добро пожаловать в Соединённые Штаты Америки!

./шмаги/

Когда я вышел из аэропорта, мне в лицо ударил холодный свежий ветер. Я остановился и не мог им надыхаться. Это был не простой ветер. Это был ветер надежды, ветер нового, ветер... возможного счастья!

Здравствуй, Америка! Вот и я!

– Ну что, не встретили? – рядом со мной остановился чёрный лексус.

– Нет.

Шмаги вышел из машины и забросил мои пожитки на заднее сидение.

– Заночуешь у меня, а завтра что-нибудь придумаем.

Шмаги жил на 20-й авеню и Фултон, в доме, который хозяйка переделала под студенческое общежитие. В одной из спален не было ни мебели, ни жильяца.

Шмаги дал мне коврик для йоги.

– Всё лучше, чем на голом полу.

– А сколько я должен за ночлег?

– Ты что, совсем, что ли? Я ж от чистого сердца!

– Можно проверить емейл на твоём ноуте?

– Конечно! Юзернейм: shmagi, пароль: sex.

...

В инбоксе лежало три новых емейла: от Пауста, от мамы и от Юли.

Пауст сообщал, что Мерзляков поклялся найти «сраного юриста и свернуть ему шею».

Мама просила срочно перезвонить – Пауст ей всё рассказал.

Юля написала, что всё знает и не ждёт ответа. Я напечатал ответ, потом стёр, потом взялся снова, но понял, что какая-то мысль занозой застряла в мозге... что-то, сказанное отцом Пауста.

./туманный парк/

Я вышел на улицу, перешёл через дорогу и оказался в парке, погружённом в туман, как в облако.

Массивные эвкалипты вырисовывались один за другим и наполняли воздух острым аптечным ароматом. Чайка всплеснула спящее озеро, с криком взлетела и растворилась в тенях деревьев. И снова тишина.

Красиво и таинственно, как в сказке.

Где ты, Юля? Как я хочу обнять тебя, вернуть твой поцелуй, поделиться с тобой этой сказкой!

И тут я понял, что терзало меня.

Вся Юлина жизнь уже была расписана: элитная школа, универ, брак с человеком своего круга, при желании – престижная работа, но главное – гарантированное благополучие и безопасность. А я чуть не сломал эти планы...

Какие со мной благополучие и безопасность? Какое со мной будущее?

Лев Семёнович был прав во всём: я уже испортил свою жизнь, осталось только Юлю за собой потянуть.

А значит... Мою грудь сдавило так, что я стал задыхаться.

Из тумана вышел старик в пуховике и вязаной кепке. Я собрал свой английский в кулак и спросил:

– Хеллоу. Where is the ocean?

– Какой здесь, нахуй, «оушн»?! Это в Одессе – оушн, а здесь – тьфу!

Он злобно посмотрел на меня:

– Приезжают тут всякие. Потом в новостях о них читаешь.

Он проскрипел мимо и вслед за чайкой исчез в тумане.

./мисс ло и мистер наум/

Утром пришла хозяйка дома – деловая китайка мисс Ло. Она бросила цепкий взгляд на коврик для йоги, теннисную ракетку, рюкзачок и объявила:

– Двести баксов в месяц за комнату. Плюс двести – депозит.

Шмаги ответил за меня.

– У него есть только двести.

– И всё?

– Да, но он отработает.

– Ладно, пусть переоденется, и едем на стройку.

...

Мне не во что было переодеться, и Шмаги дал мне свои дырчато-заношенные треники, футболку и кеды.

На улице стоял новый мерседес мисс Ло, а за ним – раздолбанный пикап со старым китайцем за рулём. Мне было указано на пикап.

Целый день мы проработали в доме мисс Ло в районе Сансет. Наша разношёрстная бригада состояла из китайцев, мексиканцев и русских. В основном мы грунтовали, шкурили и красили стены. Китайцы держались обособленно, зато мексы – такие же души нараспашку, как русские, – балагурили, шутили и учили меня ругательствам на испанском.

На обед мы пошли в кафе на Ирвинг и 19-ю. Помню, что в названии заведения была двойка. Именно там я впервые попробовал самую вкусную вещь на свете – вьетнамский суп фо.

Денег у меня не было, и я предложил своим коллегам купить у меня часы. Вместо этого мне купили тарелку дымящегося фо и сказали, что все там были – без копия в кармане.

В четыре вечера мисс Ло показала мне две двадчатки, которые тут же положила обратно в кошелёк.

– Сто шестьдесят, ок?

– Ок.

– Завтра здесь в восемь утра, ок?

– Ок.

Весь белый от краски и шпаклёвочной пыли, я шёл домой, ориентируясь по малиновым верхушкам моста Золотые Ворота и парку, который тоже, оказывается, называется Золотые Ворота.

У меня был такой видок, что встречные останавливались и смотрели мне вслед, решая, что подойдёт лучше – душ, полиция или скорая помощь.

Шмаги аж отпрянул, когда открыл мне дверь. Целый час я смывал едкие частицы шпаклёвки, которые впились мне в кожу и забили волосы, уши и нос. Шмагину одежду хоть выбрасывай, но такого шика я себе позволить не мог и замочил её в тазу вместе с кедами.

– Шмаги, можешь мне долларов двести дать в долг?

– Конечно, держи. Как всё прошло?

– Превосходно, не зря учил историю государства и права зарубежных стран.

– Ну ты, блин, даёшь! Вроде бы умный парень! Мисс Ло тобой довольна! А занимаешься разной фигнёй.

– А что не фигня?

– Конечно же, программирование! Раньше в Калифорнию приезжали мыть золото, а сейчас приезжают рубить бабки на зарплатах-опционах. Смотри, сколько я зарабатываю. – Он показал мне чек на четыре тысячи долларов.

– И это чистыми за две недели. И плюс опционы.

– А что такое «опционы»?

– Это право выкупить сколько-то акций компании, где ты работаешь, по низкой фиксированной цене. Но, чтобы выкупить все акции, нужно отработать четыре года. Разница между опционной ценой и рыночной и есть твой навар.

– А что если рыночная цена будет ниже опционной?

Шмаги аж поморщился:

– Об этом лучше не говорить. Не будем будоражить Вселенную.

...

Вечером Шмаги представил меня Науму Горскому – владельцу ресторана «Русское Поле».

– Ну как вам, Ромочка, Сан-Франциско? Вы, наверное, думали, что вас здесь сразу начнут соблазнять сексом, наркотиками и рок-н-роллом, хе-хе! А вы такой отнекиваетесь – неохотно и ломливо. Но в итоге, вас никто не встретил, живёте вы в общежитии, а работать будете в Русском Поле. М-да. Стоило уезжать... Но, в целом, велком ту Америка!

Так за один день я получил две работы.

/проснулся, отработал, уснул/

Первое время я жил как на автомате. Резкая смена обстановки, изматывающая работа на стройке, обслуживание вечных отмечальщиков в «Русском Поле» переключили меня в режим проснулся-отработал-уснул. Никаких рефлексий, планов, надежд.

Единственным стимулом что-то делать был долг перед Шмаги. Вскоре этот долг значительно вырос, так как Шмаги купил мне в подарок подержанный компьютер.

Я сказал, что подарок не приму, на что получил ответ «А мне пофигу».

./морская регата, мать её/

Мы встречались со Шмаги на кухоньке по вечерам. Оба умученные. Я – стройкой-рестораном, он – офисной политикой.

– Прикинь, ну что за дебилы? Нанимают трёх чайников писать говнокод, от которого у бога слёзы. А могли бы мне зарплату поднять и сказать: «Дорогой Шмаги, жги!»

– Да... дела. А у нас сегодня мекса кирпичом шибануло. Весь в кровище, поехал домой лепить пластыри – страховки нет.

– Кстати, позвони Науму. Скажи, что в воскресенье тебя не будет – мы идём на морскую регату к Фараллоновым островам.

– Но я же в этом не шарю!

– А там и шарить не нужно – делай, что скажут, и смотри, чтобы морду не расплющило мачтой.

– А качать будет?

– Немножко.

...

Меня стало рвать, как из брандспойта, как только мы вышли в океан. В самом заливе особо не болтало, и я держался молодцом, но за мостом появились волны, которые сначала превратились в холмики, а потом в холмы. Наша яхта скользила по этим холмам вверх-вниз.

Каждое «вверх» скручивало мои внутренности в жгут, а каждое «вниз» их резко отпустило.

Сначала вышел завтрак, потом ужин, потом куски желудка, потом остатки лёгких. Потом всё хорошее и плохое.

Яхта скользила под креном, и я, как мокрая тряпка, валялся на корме, погрузив искривлённое гримасой лицо в искрящиеся брызги.

Так я провёл четыре незабываемых часа. Наконец показались Фараллоновы острова. Я был уже ни жив ни мёртв и равнодушно наблюдал, как мы проходим в километре от них и как огромные волны разбиваются о прибрежные скалы.

Меня навестил Шмаги – принёс мне баночку имбирной соды.

– Кстати, здесь больших белых – как в Долине говнокодеров!

– Кого белых? – просипел я.

– Акул-людоедов! Кого же ещё?

– Буе-е-е-ее-е.

...

Мы огибали острова, и ничто не предвещало беды, кроме той, что уже со мной случилась, но, оказывается, всё только начиналось.

Один американец по имени Хью предложил поставить спинакер. Это такой парус, похожий на пузырь, когда он наполнен ветром.

Сказано – сделано. Но сделано, к сожалению, дебилами.

Мы достали из трюма спинакер и начали его устанавливать.

– Эх, полетим, как птицы! – радовался Хью, давая нам ценные указания.

Вдруг задул шквальный ветер и спинакер почему-то расправился сбоку от яхты.

Яхта дала резкий крен и всё, что было на палубе, покатило в океан, включая нас.

Я ухватился за металлический трос – лайфлайн – мёртвой хваткой, и повис между небом и водой.

Шмаги, Хью и капитан Роб висели рядышком. Моя рвота тут же прошла, и я пообещал богу, что впредь буду паинькой. Шмаги тоже что-то бормотал.

Капитан Роб открыл зубами нож и умудрился перерезать канат спинакера.

Яхта выровнялась.

Шмаги на негнущихся ногах подошёл к Хью и сказал ему по-русски с сочным грузинским акцентом: «Ну ты и пидорас!».

Мы поставили обычные паруса и снова заскользили по холмам вверх-вниз, вверх-вниз. Я заступил на свой пост мордой в волну, оглашая Пасифику всем отчаянием русской души.

Всё пришло в норму.

Где-то на востоке сверкал огнями наш дом – город в стиле диско.

...

Когда мы со Шмаги сели в машину, то немедленно забыли о своих обещаниях и принялись живо обсуждать, в какие злачные места мы сегодня нагрянем.

По идее, те одиннадцать часов в море должны были выжать из меня все соки. Так и случилось, но настроение у меня было отменным.

Как будто драйв от момента близкой смерти и внезапного спасения что-то зажёт во мне.

Чудо нашего спасения дало мне надежду на ещё одно чудо – когда-то увидеть Юлю. Я думал о ней каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.